

The background of the cover is a digital illustration of a young woman with long brown hair, wearing a purple hoodie, looking out from a balcony at night. The sky is a mix of purple and blue, with a large, glowing moon on the left and several warm, yellow string lights hanging from the top right. In the distance, a city skyline is visible under the twilight sky.

Мадина Камзина

ФИОЛЕТОВЫЙ МИР

Цикл почти обычных рассказов

ФИОЛЕТОВОЕ НЕБО

О любви двух миров

Мадина Камзина

Фиолетовое небо

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70612006
SelfPub; 2024*

Аннотация

События происходят после тех, что описаны в рассказе "Новогоднее Чудо: Счастье А́риса". Произведения самостоятельны.

Мадина Камзина

Фиолетовое небо

– Так и что там, в этом твоём фиолетовом небе было? – подсел ко мне парнишка в затертых джинсах с пестрым тканым рюкзаком на плече.

На взрослых качелях вдоль аллеи было достаточно места. Я не ощущала себя дискомфортно от его присутствия. Хотя это довольно нагло вот так подсаживаться к незнакомым людям...

– О чем это ты? Ты кто? – смотрю на него во все свои зареванные и припухшие глаза.

На секунду отвернулась в сторону и смахнула быстро недолетевшие до подбородка капли рукавом свитшота. Понятно, что когда человек смотрит прямо на тебя, кажется, даже не моргая, то избавиться от соленых предательниц незаметно сложно, ну и все мое лицо пестрит уликами. Но хоть вид невозмутимый-то я сделать могу.

– Слышал, что девушка с Мираной, – кивнул на большой яркий принт в центре моего свитшота, – рассказывает веселые сказки про фиолетовое небо, акулу, мел и пудру. Стало любопытно. Решил услышать историю из первых уст.

Он так мило улыбался, успокаивающе. И глаза у него такие...добрые и чуть хитроватые. Они словно говорят: “Ну доверься мне! Ну чего же ты? И да, я тоже знаю что-то ин-

тересное”. Тяжело вздохнула.

– Знаешь, я уже устала рассказывать и потом слышать, как меня осуждают. И обсуждают. И смеются. Даже мама с папой. Даже сестра. И вообще все.

– Я не буду.

– Чего не будешь?

– Смеяться не буду. И осуждать. Расскажешь? – состроил просительную гримасу и несколько раз быстро поморгал. На парне это смотрелось уморительно.

– Я тебе поверю... – шумно выдохнула. Решила для себя, что это последний раз. Больше я не буду никому рассказывать. И вообще эту тему поднимать не буду и постараюсь все забыть, как сон. А, может, это и был сон.

– На прошлой неделе я шла домой. Быстро шла, потому что тучи набежали и, знаешь, прям запах дождя был в воздухе. Шнурок развязался, – парень посмотрел на мои кросы, а я закатила глаза, – да не сейчас, а тогда! Села на скамейку вдоль такой же аллеи, там еще скамейки низкие, удобно. Завязала. Смотрю, а рядом со мной на сидении лежит монетка. Красивая, с каким-то узором снаружи. Мне стало любопытно и я ее подняла. Гляжу на нее, а по узору как будто лучик ползет. Знаешь, отблеск, но словно живой и рисует этот узор, после него каждая завитушка как будто ярче становится.

Парень хмыкает и косится на мои кроссовки. Неприятно. А говорил, что не будет смеяться. От возмущения останавливает лишь слово, которое дала себе. Я просто расскажу в

последний раз и забуду. Да, этот рассказ больше для меня самой. Не для этого неизвестного.

– В общем, когда отблеск прочертил весь узор, монетка стала новехонькой! Знаешь, блестела очень, аж зажмуриться захотелось. А когда я открыла глаза, на меня уже смотрел паук, – парнишка хихикнул, – да, я не вру! – возмущенно посмотрела на него, а он же слегка покачал головой, мол да я не сомневался.

– Паук, – расширяю глаза и раскидываю руки в стороны, пытаюсь показать размеры существа, – был вооот такой! Мохнатый, с большими глазами. А пух, или что там у него, был голубой. Сюр короче. Я зажмурилась снова, а он также стоит, глазами хлоп-хлоп. И такой взгляд добрый... как у того кота из мультика. Я почему-то решила его погладить, не настоящий же. А он, представляешь, голову подставил и почти замурлыкал своими жвалами, вроде так называются. И потом бац, и кто-то в ухо почти вскрикивает. Ну почти... ребенок там был, милый такой, лохматый и грязный, с ободранными коленями. Лет 8 может на вид. Я сама вскрикнула, увидев его. А волосы! Волосы у него синие были! На свету, как море, наверное.

– Парень улыбается, чуть жмурится. Может, он любитель фэнтэзи? Есть у меня такие одноклассники, любят все такое, выдуманное и странное. Игрушки свои... тоже...

– А потом! Потом я замечаю, что вокруг все не правильное! Понимаешь? Все в каких-то не правильных цветах! И

размеры не те, и вещи. И вообще не город, а какая-то деревня древняя! А небо! Оно фиолетовое! Фиолетовое небо, как в песне, которую сестра раньше любила!

– Это из этой песни город, что ты мелом там рисовала? Фиолетовая пудра и мел?

Шумно выдохнула. Когда классный руководитель услышала, как я рассказываю о произошедшем, она вызвала моих родителей. Сначала пообщалась с завучем и директором, а потом вызвала предков в школу. Ребята решили, что мне приснился прикольный сон. А эти, взрослые, почему-то решили, что я напилась чем-то из родительских запасов производства “Бахус”, слушая при этом песню про фиолетовую пудру и мел и что там еще. Раньше сестра ее слушала очень часто на повторе. Да, слушала. Потому что уже неделю она эту песню не включает, чтобы не раздражать родителей. И косится на меня...странно так. С сожалением. Разочарованием. Глаза защипало. Прямо чувствую, что слезы снова желают показаться. Нельзя! Беру себя в руки. Продолжаю.

– Я там была 4 дня. Понимаешь? И все эти дни за мной ходил пушистый паук, а за нами тот мальчишка. Я там столько видела интересного. Ты бы знал, как там красиво... древность повсюду конечно, народ чуть отсталый как будто, – парень поморщился после этих слов, – но очень красиво. И вкусно! Мне что-то говорили люди, я их не понимала. В итоге общались жестами. Примерно, как мой папа, когда мы ездили отдыхать все вместе, – я хихикнула, вспоминая дерев-

ню, в которую попала и где жила те 4 дня, – Вот так общалась!

Показала несколько движений, которыми намекала деревенским встречающим о том, что я не враг, голодная и вообще мир, дружба, жвачка. Кажется, что меня они тогда не поняли. Но врага не разглядели и к себе пустили. Волосы трогали, косичке удивлялись. А еще там девочек не было. Взрослые были разного возраста, мальчики были, а девочек не было. Не знаю, что там у них произошло, но обращались со мной, как с принцессой какой-то. Я же не глупая, замечала, что передо мной еду покрасивее ставили, а сами почти не ели за столом. Самое мягкое на вид одеялко давали. Да и вообще относились, как к сокровищу какому-то. Приятно-то как!

– Самое обидное, что я ничего не взяла оттуда. Если бы я догадалась...но откуда? Даже то, что с собой было – и то посеяла. Кисточка была для рисования и коробка обычная. Я в ней проект на конкурс тащила, сдала и пустую домой несла. Все там осталось. Родители думают, что я где-то потеряла, м-да.

– Так и что мальчик? – вдруг спрашивает парнишка.

– Ну как что...не знаю. Мальчик и мальчик. Правда кисточка ему понравилась моя. Кажется, там в деревне все чуть-чуть...в общем, не грамотные. Мне скучно было и я его буквам учила. А потом рисовали. Грязью рисовали, представляешь? Краски там не было. Мы им дом разрисовали бе-

лой грязью, цветочками всякими. А еще мы под одним окном расписались. Ну как...я свое имя нарисовала с завитушками, а он какие-то знаки.

Надо же. Впервые после возвращения у меня что-то внутри расслабляется. Пружина, как говорит сестра. И впервые я чувствую, что меня слушают и даже как будто верят. Приятно.

– А потом, знаешь. На 4-й день, когда я осознала наконец, что я не сплю. Я ведь думала, что это сон...потому что небо странное, люди с голубоватой кожей, звери тоже странные и вообще все это какая-то дичь. А потом я поняла, что сон таким не может быть. И лица. Я ведь во сне всегда не помню и не могу разглядеть лиц, – парень на этих словах чуть придвинулся ко мне, неосознанно, словно не хочет пропустить ни слова, – а тут все иначе. Люди...я ведь и сейчас помню их, каждого. Улыбки и даже родинки на лицах, такие белые точки. Вот как у тебя над бровью. Только у тебя наверное шрам, а у них родинки. Почему я это помню? А еще, в тот день все ходили какие-то угрюмые. Напряженные. Некоторых мужчин я даже побаиваться стала. Не знала, куда себя деть, – всхлипнула, – и мальчик пропал. С утра был, поглядел на остальных, и пропал. А ближе к обеду он привел за руку старушку. От нее так пахло...тухло что ли. И страшная она была, странная и вообще. Она смотрела на меня так, словно я лягушка какая-то: и брезгливо и с жалостью. У ме-

ня тогда аж мурашки по телу прошлись. Она на мальчика так посмотрела, словно спрашивала что-то молча. Он кивнул и отвернулся. А она...она!

– Что она? – спросил мой незнакомый слушатель еще немного придвинувшись ко мне.

Я посмотрела себе на свитшот, положила руки в центр груди. Кисти одну на другую в самый центр. И посмотрела на парня.

– Она что-то громко вскрикнула, вот так руки положила и очень больно ударила меня! И знаешь, это было неожиданно и страшно. А взгляд у мальчика, я почему-то в этот момент посмотрела на него, взгляд у него был холодный, решительный. И смотрел он не на меня, а куда-то в сторону. Так дети делают, когда понимают, что виноваты, но не хотят слушать или видеть, что они натворили. И я упала.

– Куда?

– Я упала на скамейку. То есть, когда она меня толкнула, было ощущение, что я упала на какую-то плотную пленку и она лопнула подо мной. И я оказалась на скамейке, где нашла монетку. Но все, что было с собой, забыла в том месте, где было. Коробка, кисточка, которой дорисовывала поделку на конкурс, даже монетка та – все осталось в деревне.

Молчание. Все это время я смотрела куда-то вдаль, пытаюсь вспомнить и отпустить прошедшие события. Поворачиваюсь к незнакомому парню.

– Ты веришь мне? – спрашиваю обреченно.

– Да, – коротко выдыхает он и сдвигается еще ближе ко мне.

Ткань джинсов задела мою ногу. Я только что поняла, что он присел слишком близко. Качели ведь такие большие, когда он оказался рядом? Слишком рядом. Страшно. Прохожих нет. Фонари не все горят. Вокруг так тихо, только редкие машины проезжают – я их почти не слышу.

Слышу, как тяжело он задышал. Страшно стало по-настоящему. Почему я вообще не встала сразу, как он подсел на эту качель?

Он начинает поднимать правую руку, я не видела, что в ней. Нож? Зажмуриваюсь. Дыхание замирает. Ничего не происходит. Открываю глаза и вижу, что он сунул мне под самый нос коробку. Очень похожую на ту, которую я оставила в своем путешествии. Но эта была очень искусно украшена цветами. И цветы... это не наши цветы. Такие я видела только в той деревне. Много желтых с голубой сердцевинкой. Что происходит? Я не понимаю...

Он наклоняется в мою сторону. Свет от фонаря наконец падает на его лицо. Раньше я не видела толком его лица, так как козырек над качелью создавал мягкую тень. И...его кожа отдает синим цветом. Он видит мое ошарашенное лицо и улыбается. Открывает коробку и в ней лежит монетка, кисточка, побитая жизнью, с уже облезшей щетиной и цветов. Тот самый, что рос глубоко в лесу, в который не заходили

жители деревни. Достать этот цветок было необычайно тяжело. Его мне обещал подарить тот мальчик, когда вырастет. Смотрю на него неверяще. Он обнимает меня, стискивает в объятиях и я слышу:

– Знала бы ты, как долго я тебя искал...